

Россия в революционной ситуации 1983 — Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983.

Самойлов 1954 — *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего. М., 1954.

Скрынников 1987 — *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.

Скрынников 1988 — *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.

Старый владимирец 1909 — Старый владимирец. 1909. 27 июня.

Старый владимирец 1910 — Старый владимирец. 1910. 6 августа.

Троицкий 1969 — *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII—XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134—146.

Успенский 1893 — *Успенский Д. И.* Толки народа // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 183—189.

Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Язык средневековой культуры. М., 1982. С. 201—235.

Устав 1890 — Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1890. Ст. 30, 31, 35.

Чистов 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XVIII вв. М., 1967.

Шатковская 2000 — *Шатковская Т. В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11—12. С. 96—106.

Список сокращений

ГАВО — Государственный архив Владимирской области.

ГАИО — Государственный архив Ивановской области.

РЭМ — Российский этнографический музей.

ЦДНИИО — Центр документации новейшей истории Ивановской области.

Summary. The article examines the rumours which have circulated around Shuya district of Vladimir province in second half of the XIX — beginning of XX century. Between the most frequently met are the «agrarian rumours» (dealing with redistribution of land, payments abolishment, taking the land from nobility, etc), rumours «about the Tsar» (attempts on his life, health, etc), war and treason rumours. It was also rumoured on the topics of religious sects' activity, epidemics, disasters, political events.

Key words: rumours, social phobias, escatology, informational isolationism.

Д. В. ГРОМОВ

(Москва)

«СОВЕТСКИЕ НЕОФАШИСТЫ» И ИХ МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

(1980 — начало 1990-х гг.)

Аннотация. В 1980-х гг. в Советском Союзе неоднократно возникали моральные паники, связанные с мнимыми выступлениями молодых неонафашистов. Рассказы о неонафашистах можно рассматривать как фольклорные тексты, построенные в соответствии с логикой традиционной мифологии: восприятие неонафашистов строится по принципу демонизации «иных».

Ключевые слова: молодежь, молодежные субкультуры, моральные паники, неонафашисты, слухи, интернет-фольклор.

У тех, кто вырос в Советском Союзе, слова «советский» и «неонафашист», поставленные вместе, вызывают удивление и неприятие до сих пор, а в советском обществе такое словосочетание и вовсе воспринималось бы как дикость, несопоставимость, оксюморон, подобный «сухой воде» и «горячему снегу». В Советском Союзе, потерявшем в годы Второй мировой войны 27 миллионов человек, ненависть к фашизму была искренней и всеобщей. Поэтому для советских людей начала 1980-х гг. шокирующим было сообщение о том, что в СССР появились молодые люди, называющие себя фашистами.

Очерчивая историческую канву события, мы отошлем читателей к статье С. А. Чарного, который на архивных материалах проследил историю существования молодежных неонафашистских групп в 1950—1980-е гг. [Чарный 2004]. Резюмируя информацию, содержащуюся в статье, можно сказать, что эти группы были крайне немногочисленны, неактивны и экстравагантны; неудивительно, что многие неонафашисты, деятельность которых была раскрыта, не понесли никакого наказания, отделившись «профилактическими» ме-

рами. Участие в таких группах стоит рассматривать не с позиций идейности, а с позиций свойственной молодежи контркультурности. При создании молодежью контркультурных сообществ «выбирается символ, максимально противоположный символу общепринятых ценностей. Именно этим можно объяснить появление в нашей стране, пережившей войну с фашизмом (и эта война стала одним из краеугольных камней нашей мифологии), молодежных группировок с фашистской символикой» [Щепанская 1993, 61—62]. Для определенной части неонацистов их увлечение связано с диссидентством. Как нам кажется, интерес к неонацизму молодых людей с определенным складом ума надо рассматривать с учетом определенного интереса к символике фашизма: в мальчишеской среде фашистские символы воспринимались как «запретный плод», а манипуляции с ними были своеобразной экстремальной игрой (например, нам известен случай, когда мальчики рисовали свастику на руках, но так, чтобы она была прикрыта манжетами рубашки). Об идейном фашизме в таких случаях, как правило, не было и речи.

В данной статье мы рассмотрим не советских неонацистов как таковых, а мифологизацию неонацизма, существовавшую в советском обществе. Материалом для исследования стали результаты опроса, проведенного автором в личной беседе с информантами и через Интернет в 2007—2009-е гг. Как нам кажется, современные воспоминания в целом адекватно отражают атмосферу слухов 1980—1990-х гг., хотя в двух случаях, когда мы имели возможность провести ретроспективное сравнение рассказов одних и тех же информантов с разницей в 15—20 лет, налицо было забывание деталей.

Неонацисты в Советском Союзе фактически стали персонажами фольклора. Мало того, мифологизированные представления о них прекрасно наложились на традиционные фольклорно-мифологические представления, а именно, стали частным случаем мифологизации и демонизации «иных». Однако, прежде чем делать анализ с точки зрения мифологии, изложим фактологический материал.

Под фольклоризацией советских неонацистов мы понимаем, помимо прочего, то, что информация о них циркулировала в обществе практически исключительно в виде слухов; поэтому одно и то же событие могло описываться в нескольких вариантах, причем в формировании образов и нарративов, как мы увидим в последующих параграфах, прослеживаются закономерности формирования фольклорных текстов.

Фольклоризация в данном случае обусловлена тем, что СМИ о неонацистах не сообщали, информация о них распространялась от человека к человеку, через официальные социальные сети (например, через систему партийной учебы), через передачи западных «голосов». Наиболее значимым из перечисленных, как нам кажется, был вариант коммуникации «от человека к человеку». При устном распространении информация могла трансформироваться сколь угодно сильно.

До начала 1980-х гг. деятельность отдельных сторонников фашизма и многочисленных их групп не производила какого-либо влияния на общество, о фашизме в СССР знал лишь узкий круг людей. Положение принципиально изменилось в начале 1980-х — информация о молодых советских неонацистах стала достоянием общественного сознания. Опрашивая тех, чей подростковый и юношеский возраст пришелся на первую половину 1980-х, мы установили, что примерно каждый второй что-либо знал о фашистах. Эта доля велика, если учесть, что почти никаких сообщений об этом в средствах массовой информации не проходило.

Толчком для «легализации» информации о неонацистах стали выступления на Пушкинской площади в Москве, посвященные дню рождения Гитлера; они происходили 20 апреля 1979, 1981 и 1982 гг. Особенно много шума произвело выступление 1982 г., дело в том, что власти (комсомол, администрации учебных заведений, пионерская организация и т. д.) догадались провести среди молодежи Москвы и Подмосковья разъяснительную работу с тем, чтобы никто не пошел на Пушкинскую 20 апреля. Не удивительно, что «разъяснения» подействовали с точностью до наоборот — молодежь бросилась смот-

реть на неофашистов, событие получило общественный резонанс и породило обширные слухи.

Насколько можно судить, разгон многочисленных неофашистов и многочисленных зевак был спровоцирован милицией, попросившей о помощи группу молодых людей из Подмосквы. Вот как описал происходящее выходявший в Мюнхене журнал «Вести из СССР»:

«20 апреля, в день рождения Гитлера, в Москве группа молодежи пыталась провести “фашистскую” демонстрацию. В этот вечер на пл. Пушкина собралась довольно большая группа молодых людей: с одной стороны, “фашисты”, коротко остриженные, в черных рубашках, некоторые со значками свастики; с другой, — толпа “болельщиков” различных хоккейных и футбольных команд. О предполагаемой “фашистской” демонстрации было известно заранее <...>. По сообщению очевидцев, “демонстрация” не успела начаться, как между “фашистами” и “болельщиками” завязалась драка, привлекая внимание прохожих. Милиция долгое время не вмешивалась, наблюдая за происходящим со стороны. В конце концов, милиция задержала некоторое число “фашистов” и “болельщиков”» [Вести 1982, 8].

Автор заметки в «Вестях...» явно видел всё своими глазами, однако затем начали формироваться слухи, описывающие произошедшее несколько иначе. Как мы увидим дальше, те же «Вести...» в ближайших номерах публиковали информацию, пользуясь уже слухами. Приведем некоторые описания тех событий из рассказов информантов в записи 2008 г.

«По версии, которую слышал я, фашистов было много, но их заманили в переход под Пушкинской и блокировали в нем. Среди фашистов оказалось много сыновей высокопоставленных начальников» [У. Д.].

«Рассказывали, что демонстрация нацистов была окружена внешним кольцом милиции и внутренним — самих нацистов. Чтобы присоединиться к демонстрации, нужно было преодолеть как оцепление милиции, так и оцепление нацистов. В нашем классе высказывались разные мнения о том, как нужно пройти второе кольцо, преобладало мнение, что нужно

показать некий знак, нарисованный на ладони. У меня с собой была монетка в один рейхспфенниг, с фашистским орлом, со свастикой на аверсе. Я сказал, что вот это (герб третьего рейха) уж точно работает, и показал ее всем. Мне легко поверили» [М. В.].

«Празднование проходило на протяжении нескольких часов. Кстати, тогда милиция пыталась списать митинг на футбольных болельщиков. Как видим, нынешние милиционеры подробно изучают опыт своих предшественников и выступления скинхедов тоже объявляют вылазками футбольных хулиганов» [Р. А.].

Высказывалось мнение, что руководство демонстрацией осуществлялось из кафе «Лира», расположенного на противоположной стороне площади. (Популярное место, ему посвящена песня «Машины времени», бывшая тогда на пике своей популярности). Видимо, не случайно в ноябре этого же года кафе «Лира» было временно закрыто в связи с похоронами Л. И. Брежнева, по слухам, из-за опасений фашистских выступлений в нем [Б. М.].

По некоторым слухам, в выступлениях принимали участие прибалты.

Если в данных сообщениях и есть информация, отражающая реальность, то ее значительно меньше, чем вымысла — событие уже стало объектом мифологизации. Рассказы включают и вовсе фантазмагорические элементы, например, об оцеплении фашистов, которое надо пройти с помощью тайного знака.

Моральная паника, возникшая в обществе в связи с появлением неофашистов, подняла волну слухов, связанных не только с Москвой. Так, в эмигрантском издании «Вести из СССР» сообщалось о прошедших в 1980—1983-е гг. фашистских выступлениях в Можайске, Кургане, Южно-Уральске, Свердловске, Ленинграде, Нижнем Тагиле, Киеве и др. [Чарный 2004]. Указывалось, что многие из этих сообщений основывались на непроверенных данных. Воспроизведенные западными «голосами», слухи о могущественной фашистской организации значительно усиливались.

Приведем некоторые сообщения наших информантов, в которых пересказываются слухи о неофашистах, бытовавшие в те годы.

«Говорят, в середине 1980-х были фашисты где-то в Ленинграде, в каком-то училище. Эти фашисты по вечерам ловили пионеров и их пугали. Они спрашивали: “Ты пионер?” Пионер отвечал что-то вроде “Да, дяденьки, я пионер”. — “А мы, сука, старые нацисты!” Пионер типа от страха дрожал при этом» [Е. А.].

«Году в 1983-м в Новосибирском университете рассказывали про парня, который увлеклся фашизмом. Однажды, кажется, в какой-то праздник, он был пьян, оделся в фашистскую форму и маршировал по коридорам общежития, приветствовал нацистским приветствием всех встречных» [С. Т.].

Иногда легенды о фашистах были привязаны к тем или иным объектам городского ландшафта (как это было с упоминавшимся выше кафе «Лира» в Москве). В Нижнем Новгороде таким «фашистским» местом был один из пролетов знаменитой Чкаловской лестницы. Летом 1987 г. мы видели здесь фашистскую инсталляцию. На лестнице находился барельеф — несколько знамен, веером расходящихся из одной точки. У одного из этих знамен вместо наверх была приделана ладонь, таким образом получилась рука, вскинута в нацистском приветствии. Рука была подкрашена под цвет барельефа и поэтому незаметна для случайного взгляда. Данный барельеф стал своеобразной неформальной достопримечательностью. Он появился в начале 1980-х гг. и просуществовал по крайней мере до начала 1990-х; на настоящий момент Чкаловская лестница реконструирована, барельефа не существует.

Мифологизация и фольклоризация советских неонацистов, как мы уже говорили, тесно связаны с общественными фобиями. Можно проследить, как на протяжении тысячи лет внешние агрессоры и социальные группы, воспринимающиеся как внутренние враги, провоцировали появление фобий [Громов 2004]. Последователи ненавистного советским людям фашизма также воспринимались как опасные и непонятные агрессоры. В подтверждение этого можно привести вспышки в разных городах паник в связи с якобы готовящимися выступлениями (или приездами) фашистов.

Выше мы приводили цитату из «Вестей из СССР» о фашистских выступлениях в семи городах СССР. Количество городов кажется завышенным, несомненно, в заметку просочилась ложная информация, основанная на слухах.

Так, в середине 1980-х гг. мы слышали о том, что в начале 1980-х фашистская демонстрация ожидалась в Нижнем Новгороде. Ожидалась — но не состоялась. Предполагаемое выступление вызвало волнения среди местной молодежи. В Нагорную часть города, где ожидалось событие, приехали, во главе с комсомольскими руководителями, толпы рабочей молодежи с Автозавода — «бегали с колами», искали неонацистов, но не нашли.

Слухи об агрессивных выступлениях неонацистов распространялись и в Москве. Иногда причинами этих слухов становились реальные события. Так, 9 мая 1983 г. в Парке культуры им. Горького произошла драка молодежи из Люберец с некими «фашистами»; начало драки мотивировалось агрессией со стороны фашистов — тем, что они «били ветеранов» [У. Д.]. Реальное в этих слухах трудно отличить от преувеличений: факт драки был реален, а вот напали ли «фашисты» первыми и были ли они реальными фашистами, а не представителями каких-либо неформальных молодежных движений — трудно сказать. М. Бастер пишет еще об одном эпизоде, в котором исходные события (если таковые были), скорее всего, значительно мифологизированы: «*Был самый массовый слух 84 года, когда в разных точках города узнали о якобы разгоне спартачами фашистской манифестации на площади Долгорукого. Слух до сих пор таковым и остался*» [Б. М.].

Приведем еще несколько примеров.

«Вл. Козлов — человек из Могилева, выросший в очень гововской среде — вспоминает, как в 1986 году Могилев сотрясли слухи о том, что в город понаедут, а также вылезут из всех щелей “панки”, которые будут праздновать день рождения Гитлера.

Как знакомо!

Вспоминаю, что летом того же года мне рассказывали о настоящей демонстрации молодых нацистов в день рождения Гитлера в городе Ангарске, что рядом с моим городом. Рассказывали якобы 159

свидетели. Спрашивал потом у других ангарчан — они говорили, что ничего не видели и не знают, но их все почему-то про это спрашивают.

За эти годы я неоднократно слышал <...> истории о том, что происходила вспышка слухов о якобы состоявшемся нацистском выступлении в том или ином провинциальном (подчеркиваю) городе СССР — в районе 1986—1987 гг.

На классных часах, помнится, рассказывали об осквернениях памятников ВОВ» [Ш. С.].

«[В Свердловске] слухи пошли <...> году в 1982-м. Поначалу им еще можно было поверить — “панки” якобы блокировали выходы из кинотеатра после сеанса и лозунги нацистские выкрикивали, но дальше пошел уже какой-то абсурд, навроде распятой девочки. В детской среде эти слухи и вовсе превратились в гиньоль: мне одноклассник рассказывал, что “панки” повесили девочку на пионерском галстуке прямо на простертой в сторону ЦУМа руке монументального Ленина :) В 1983-м году был слух, что “панки”-неонацисты устроили демонстрацию на Площади 1905 года. Добавлялось, что, как только они пробежали площадь с нацистским салютом и лозунгами, некие организаторы выдавали им новые импортные джинсы. Про джинсы, как потом оказалось, рассказывали лекторы на разных совещаниях (знакомая директор школы спустя много лет поделилась). Народ был вполне серьезно напуган» [orientalist].

«В апреле 1986 или 87 года, сейчас уже не вспомню, в Иркутске на сквере Кирова собралась бродовская гопота по поводу прогона следующего содержания: “сегодня в восемь вечера из Ангарска должны приехать фашисты отмечать день рождения Гитлера”. Было человек 60, не меньше. “Фашисты из Ангарска” не приехали, зато приехали очень удивленные кировские менты. Это был первый на моей памяти случай, когда подполковник милиции обращался к гопникам, очень вежливо просил их разойтись. Благодарил за сознательность и говорил, что органы ситуацию контролируют и не допустят» [lustr].

Возникновение моральных паник в связи с ожидаемым приездом опасных групп молодежи — явление достаточно распространенное; «героями» таких паник могут становиться представители

групп, нашумевших и скандально зарекомендовавших себя. В конце 1980-х гг. в ряде городов возникали тревожные ожидания в связи с возможным приездом люберов. В 1988—1989-е гг. ожидалось еврейские погромы, организованные черносотенными организациями (особенно обществом «Память»), в начале 1990-х — организованные ЛДПР. Приведем два примера моральных паник, связанных с ожиданием набега неофашистов.

Весной 1987 г. профашистские выступления ожидалось в Воронеже:

«Однажды нас, двенадцатилетних пионеров, созвала в свой кабинет классная руководительница, чтобы сообщить дрожащим от волнения голосом страшную весть: 14 апреля в Воронеже состоится несанкционированное шествие металлистов! <...>

Слухи по городу распространялись жуткие. <...>. Среди прочего, “людская молва обещала, что фашисты-металлисты будут не только заставлять всех прохожих кричать “зиххайль”, но и рвать прохожим щеки при помощи специальных перчаток с закрепленными на них крюками”. Кто-то даже рассказывал после, что сам это видел! <...> Поводом для обещанного действия стал день рождения Ричи Блэкмора, гитариста группы “Deer Purple”. Людей к цирку, где ожидалось шествие с последующим дебошем, 14 апреля набежало множество — но совсем не те люди. <...> Периодически в толпе раздавались крики “Идут, идут!”. Однако ж то были лишь коллективные галлюцинации» [Черников 2007].

А. Ермаков описывает такие паники в 1989—1991 гг.:

«Тогда Масс-медия время от времени нагнетали истерию зачем-то, типа в ближайшую субботу приедут фашисты и начнут погромы. <...>. Так вот, тогда везде ждали этих фашистов, в подмосковных городах — из Москвы, у нас в Новомосковске — из Тулы (а в Туле, в свою очередь, из Москвы). Сорганизовывались сотни молодых парней из рабочих кварталов, вооружались цепями и арматурой, палками и нунчаками, приходили к станции к условному времени к московским и тульским поездам и дизелям, например. А я тогда как раз учился в Москве, ездил домой часто то через Тулу, то через Ожерелье, были неприятные расспросы —

тина а кто, а зачем приехал и т. п. <...> Но они в итоге понимали, что я студент, а не фашист, и не били, а пропускали.

Фашистов, я так понимаю, в итоге нигде и не дождались. Потом, как я слышал, что это было во многих местах, и не только в Нечерноземной зоне» [Е. А.].

Паники, связанные с якобы намечающимися набегами неонацистов наблюдались и позже — в Улан-Удэ (2002 г.), Удмуртии (2006 г.), Белгороде (2007 г.).

Многие фольклорные персонажи маркируются определенным набором черт, узнаваемых атрибутов. Были атрибуты и у фольклорных неонацистов.

В начале 1980-х гг. считалось, что отличительными чертами молодых неонацистов являются *выбритые виски*.

В неофициальном «Гимне люберов» о противниках люберецкой молодежи говорилось следующим образом:

Нет у нас ни нацистов, ни панков,

Нам не надо кричать, брить виски...

«Бритые виски» здесь, по мнению авторов Гимна, являются верным признаком неонацистов. Надо добавить, что бритые виски в то время встречались (о чем еще будет сказано ниже) в прическах многих неформальных объединений. Мало того, этот элемент часто использовался и обычной молодежью:

«Да, это было стильно. Бритые виски, черное пальто, интересная бледность, загадочный взгляд» [marfabaturina].

Как нам кажется, в приведенной выше цитате из «Гимна люберов» — «Нам не надо кричать, брить виски» — присутствует еще один важный элемент: неонацисты в представлении люберов *кричат*. Информант, процитировавший гимн, пояснил, что «кричать» здесь — значит выкрикивать нацистское приветствие «Хайль Гитлер!».

Примечательно, что бывшие любера, рассказывающие о конфликтах с неформалами, часто приписывают им «кричание»:

«Всё вот это вот воспринималось: ну как так, — я веду здоровый образ жизни <...> я там спортом занимаюсь — а вы там с цепями какими-то ходите, вы там какие-то лозунги выкрикиваете — это всё было ну неестественно» [А. Е.].

«Да и кому это понравится, когда кто-то с длинными волосами, грязный

ходит, или, тем более, “хайль Гитлер” кричит?» [Белановский 1988].

Возможно, в обоих приведенных высказываниях непроизвольно цитируется «Гимн люберов». Но, сопоставляя эти высказывания с некоторыми нашими воспоминаниями о событиях 1980-х гг., мы склонны видеть здесь закономерность: «кричание», приписываемое фашистам (и вообще неформалам) имеет негативную оценку само по себе — в мифологических представлениях «нечистая сила не способна к нормальной речи <...> Основной способ самовыражения для демонов — не речь, а различные модификации голоса (хохот, свист, плач, пение, стон и др.)» [Агапкина, Левкиевская 1995, 512]. Тот факт, что при описании неонацистов подчеркивают их «кричание» — говорит об их негативной оценке — в отличие от нормальных людей, неонацисты склонны не разговаривать, а кричать.

Еще одной повторяющейся чертой при описании неонацистов является их *высокое социальное происхождение* — высказывалось мнение, что в эти группы неонацистов входили сыновья высокопоставленных чиновников, «шишек». Впоследствии данные суждения отразились, например, в романе Б. Стругацкого (С. Витицкого) «Бессильные мира сего» [Витицкий 2003, 193—197], в книге В. А. Майера «Чешежопица» [Майер 1995]¹. Мы прекрасно понимаем: утверждения о том, что слухи о «сыновьях начальников» фольклорны, необходимо подкрепить фактами, а их нет. Но в качестве сравнения можно привести аналогичные слухи, связанные с нашумевшим убийством скинхедами в Санкт-Петербурге таджикской девочки в начале 2004 г. Также циркулировали слухи о высокопоставленных отцах убийц, но это не соответствовало действительности [Stogoff 2008, 172].

Одной из особенностей фольклоризации неонацистов в Советском Союзе было то, что «фашистские» характеристики приписывались неформальным молодежным объединениям, которые не имели к неонацизму никакого отношения. Надо учитывать, что если «неонацист» был советскому

¹ Книга является публицистическим повествованием, однако мы затрудняемся оценить степень достоверности данного эпизода.

человеку чужд и крайне неприятен, то неформал (панк, байкер, металлист и др.) воспринимался чуждым едва ли в меньшей степени.

Фашистские черты приписывались неформалам по крайней мере с начала 1970-х гг. В. Бояринцев в воспоминаниях пишет, что участникам комсомольских оперотрядов, привлеченных к разгону демонстрации хиппи 1 июня 1971 г., предварительно говорили, что пацифик — «это один из вариантов свастики» [Бояринцев 2001]. Это при том, что пацифик (он же «голубиная лапка» — знак хиппи, пацифистов, борьбы за мир) графически не имеет со свастикой практически никакого сходства.

В начале 1980-х гг. сопоставление неформалов с фашистами было очень частым (возможно, это было обусловлено волной слухов о выступлениях неофашистов в Москве). Приведем несколько примеров:

«[В октябре 1982 года] в столице “Странные игры” [рок-группа. — Д. Г.] даже слегка напугали аудиторию: черные очки, узкие галстуки, грубые манеры и даже один номер в ритме марша (“Песенка Да-Да”). Все это вместе натолкнуло некоторых на самые нехорошие подозрения... Именно тогда в Москве прошли всколыхнувшие общественность выступления молодых неонацистов, о которых широкие массы знали лишь то, что они носят галстуки-“селетки” и выбривают виски. Невинный ленинградский скад едва не объявили приспешниками фашистов. На всякий случай, группа перестала исполнять марши...» [Странные 2001].

«Еще с фашистами путали металлистов и рокеров, при этом рокерами называли почему-то байкеров. Типа фашисты — в кожаных куртках, с цепями и заклепками, гоняют на мотоциклах. Но во второй половине 1980-х стали потихоньку в этом разбираться. Помню, в “До 16 и старше” какой-то металлист доказывал, что они вовсе не фашисты, и он сам убил бы фашистов. Меня это тогда очень удивило, я был уверен, что металлисты — это и есть фашисты» [Е. А.].

«Во Владивостоке, где я учился [в начале 1980-х гг.] с неофашистами ассоциировали по разговорам студенты между собой таких неформалов, как “поперы”. Пару раз они приходили на наши студенческие дискотеки — прическа а ля фюрер,

стильные пиджаки-галстуки, узкие брюки. И танцевали они странно» [В. К.].

«На весенние каникулы 1984 года во дворец спорта [г. Куйбышев] приезжали “Красные маки”, Барыкин и “Динамик” Кузьмина, у многих музыкантов были причёски с выбритыми висками, на следующий день у многих подростков Октябрьского района были такие же, за что они были исключены из комсомола» [Крылья 2006].

«С этого периода [ок. 1984 г. — Д. Г.] начались обвинения в фашизме сначала питерских стилиг (из-за косых челок+очки), затем московских ньювейверов из-за челок+очки+галстуки и моды на кожаные плащи и костюмы. Да еще и группа “Браво” обозначалась как группа, которую слушают исключительно фашизды. И даже когда эти стилиги и ньювейверы переквалифицировались в панк-рокеров, ярлык неизменно их сопровождал, обрстая всяческими легендами общегородского масштаба. Инициатором выступали все те же бравые комсомольцы <...> В 86 уже по телевизору показали репортаж — молчель в майках депешмод и плащах, спешащие на страшную фашиздскую встречу. Тогда же под эту мазу разогнали на Пушкине памятно-мемориальскую тусовку. Ну то что нас [компанию неформалов, живших в центре Москвы. — Д. Г.] тоже фашиздами клеймили думается пояснять не надо. Как и то что любопытство разобраться, а кто же это такие, обуревало многих подростков, специально для этого выбиравшихся в центр. Пока в конце концов их же самих фашиздами и не обозначали)))» [Б. М.].

Автор последнего сообщения М. Бастер привел в своем электронном дневнике несколько снимков рок-групп, попадавших под подозрение в фашизме. На одном из этих снимков (группа «Труд») молодой человек с косой челкой, в темной рубашке в стиле милитари, два его товарища — также в темных рубашках, плюс при узких галстуках; на другом снимке — парень в кожаном пальто (в народе такие пальто, кстати, очень дорогие, назывались «эсесовками» [Д. В.]).

«Чиновники боялись всего — так, нельзя было делать черно-белые афиши [рок-концертов], поскольку это — цвет фашизма. Обязательно должна была быть хоть часть букв красным (как, на-

пример, на афишах Филармонии) или другим цветом. Тогда все афиши “литовались”, старшее поколение за фашистскую символику могло принять все что угодно и устроить скандал. Об афишах знаю из личного опыта. <...> Фашистами могли называть кого угодно. Главный признак — агрессивное поведение» [marfabaturina].

«Поклонники *heavy metal* (металлисты) совершенно серьезно рассматривались как предатели Родины, сторонники фашистских идей — и людей им отламывали соответственно. <...> В фашисты записывались скопом представители большинства неформальных движений — от панков до байкеров. <...>. Самодельная надпись “Iron maiden” или “Kiss” на футболке — это злобное шипение “фашист” в спину. <...>. Гонениям подвергались фанаты “Depeshe Mode”. Мало того, что они брили виски под Гэхана <...>. Злую шутку с депешистами сыграло и то, что день рождения Гэхана приходится на 9 мая — День Победы. И когда фанаты стали в этот день собираться у памятника Маяковскому, власти, введенные в заблуждение их бритыми висками и “косухами”, решили, что это циничные неонацисты собирают альтернативную тусовку...» [Виталис 2003].

К тому же ряду можно отнести обвинения во второй половине 1980-х гг. Константина Кинчева, лидера группы «Алиса», в том, что он якобы пропагандирует на концертах фашизм. Эти обвинения даже повлекли за собой судебное разбирательство.

Расхожими были мнения о фашистской сути многих западных исполнителей, особенно поющих рок. Подобное отношение было к группам «Kiss», «AC/DC», «Judas Priest», «Accept», «Depeshe Mode».

«Еще вспомнилось. Году в 1986-м, когда был популярен Челентано, я был в пионерлагере. И там как-то после отбоя в общей дискуссии возник вопрос о Челентане. — А знаете, почему он к нам не приезжает? — спросил один чувак. — Почему? — спросили все. — А потому, что он фашист. Там обычное дело, когда кто-то фашист. Это как у нас коммунист. — объяснил знающий чувак» [paulkorrry]²

² Возможно, мнение о том, что А. Челентано фашист, возникло благодаря фильму «Дядя Адольф по прозвищу Фюрер» (Zio

Как мы видим, общественным мнением маркировались как неофашистские те неформальные молодежные объединения, представители которых случайно воспроизводили черты мифологизированного неофашиста:

— внешний вид: бритые виски, косые челки (как у Гитлера), одежда, приблизительно похожая на фашистскую одежду времен Третьего рейха (кожаные плащи и куртки, узкие галстуки, черные и коричневые рубашки в стиле милитари) или же создающая специфический брутальный образ (кожаная проклепанная одежда, цепи, черные очки);

— использование фашистской символики: двойное S в логотипе группы «Kiss» и молния в AC/DC; афиши рок-концертов, выполненные в черном цвете;

— непривычное и негативно оцениваемое поведение: агрессивность, грубость манер, «беснование» исполнителей и зрителей во время рок-концертов, ночные катания на мотоциклах;

— непривычный стиль субкультурной музыки: особо хочется указать на то, что стиль многих направлений рок-музыки предполагал не пение, а причание, при котором слов не разобрать;

— склонность к святотатству: сборища 9 мая, нападения на ветеранов войны.

Впрочем, под подозрение могут попасть и субкультуры, ни одной из этих черт не имеющие. Так, весной 1989 г. близ подмосковной станции Хрипань прошел слет одного из кустов КСП (Клуба самодеятельной песни). На слете присутствовало около семи тысяч человек, о чем было сообщено организаторами со сцены. На следующий же день нам довелось слышать мнение, что в хрипанском лесу состоялось сборище неонацистов; при этом численность участников называлась точная (семь тысяч), ошибка была только в сути — за неонацистов приняли любителей бардовской песни.

В качестве отдельного направления мы хотим выделить *детский фольклор* о неофашистах. Перечисленные выше представления бытовали преимущественно в молодежной и взрослой среде; детские легенды строятся, собственно, *Adolfo in arte Führer*, 1978), где Челентано исполнял роль фашистского офицера.

по тем же принципам, но они более наивны и гротескны.

Мир неформальных молодежных объединений для детей пока запрещен, и поэтому он пригоден для мифологизации и демонизации. Чтобы пояснить эту мысль, рассмотрим представления, бытовавшие у школьников средних классов одной из школ Москвы в 1990 г.:

«КисЫ были не группой, а особой породой людей, которые выжигают себе звезды вокруг глаз, имеют нечеловечески высокий рост и занимаются хулиганством (бьют людей, стекла и т. д.). За одно упоминание этих всех людей можно угодить в милицию» [А. М.]

В данном случае речь идет о неких фантастических персонажах, сконструированных на основе сценических образов группы «Kiss» с примесью черт некоторых популярных в те годы молодежных субкультур. В результате такого мифологизаторского творчества появились персонажи, вполне соответствующие жанру детских страшилок.

Приведем подобный рассказ, бытовавший среди школьников г. Новомосковска (Тульская обл.) в середине 1980-х гг. Речь идет о некоей западной группе «Видюки». В действительности такой группы не существовало.

«Однажды видюки давали концерт, начали играть композицию. Тут на сцену прямо на мотоцикле выехал один из "видюков", он был совершенно голый, только в фашистской каске, а на руке у него была повязка с немецкой свастикой. У него было огромное волосатое мужское достоинство, оно свисало с седла мотоцикла и тряслось. Толпа ему рукоплескала, девушки были в экстазе. Тут он прибавил газу, разогнался по сцене и скакнул на мотоцикле в толпу. Естественно, поубивав много народу.

В другой раз вообще все видюки вышли на сцену абсолютно голыми, но в фашистских касках с повязками со свастиками и опоясанные цепями. Среди них была женщина-видюк, тоже голая, с повязкой со свастикой на руке, правда, без каски, но зато лысая. Один из видюков схватил ее, повалил на спину и стал заниматься с ней сексом прямо на сцене, не снимая фашистской каски, остальные продолжали играть. Эта песня имела огромный успех. Им аплодировали и вы-

звали на бис. Видюки, однако, схватили свои цепи и стали молотить друг друга и публику цепями.

Наконец, самая хитовая история. Шел концерт "видюков" то ли на открытом стадионе, то ли в огромном зале. Группа вышла выступать почему-то не в полном составе, недоставало двух членов группы. Одеты они были в фашистскую форму, с цепями (по другой версии этой легенды, опять же, голые в фашистских касках и в повязках со свастикой). Музыканты приступили к игре, доиграли до середины композиции. Играли они великолепно, и публика пришла в экстаз, забыв обо всем. Тут на сцене наконец-то появились недостающие два члена группы. Один из них тащил станковый пулемет "Максим", а другой — большую коробку с пулеметными лентами (по другой версии, это был ручной пулемет, заряжающийся дисками). Они установили пулемет посреди сцены, зарядили его пулеметной лентой, и начали методично расстреливать толпу. Остальные видюки продолжали в это время играть, чтобы держать публику в экстазе, и она не разбежалась. По другой версии — они бросились помогать подносить патроны, а также стали добывать раненых цепями» [Е. А.]

Данный текст был помещен в Интернет, оживленная реакция на него показала, что фольклор о «демонических» группах был широко распространен в Советском Союзе. Судя по этим рассказам, западные рок-музыканты во время концертов любили убивать зрителей и себя, а также демонстративно заниматься на сцене сексом:

«Про расстреливание из пулеметов мне тоже рассказывали далекие от музыки сверстники, только названия группы не называли. Я упрямо отказывался верить» [floppyriter].

«Про стрельбу из пулемета со сцены — это почти достоверно, но только про Элиса Купера и с холостыми патронами» [medvedyev].

«Ещё была легенда, что группа Faust самосожглась на концерте и что кто-то это даже видел по ТВ. Я сам распространял эту легенду» [atua].

«По рукам ходили много раз переснятые фотографии западных групп. Одноклассник рассказывал мне, что на одном из фото участники какой-то группы совместно

раздевают на сцене солистку. С тех пор я видел множество фотографий и записей концертов, но чтобы кого-то там раздевали — не встречал» [У. Д.].

«В нашем классе была девочка, которая утверждала, что видела записи выступления группы «Кисс». Там было показано, как на сцену из зала пробилась поклонница, и музыканты изнасиловали ее прямо на сцене» [Г. А.].

Видно, что в данной детской страшилке повторяется «взрослая» схема мифологизации: фашистские черты приписываются рок-музыкантам, причем западным; фашиствующие музыканты ведут себя агрессивно, разнузданно и распутно, как, видимо, и полагается, в представлениях советского ребенка, вести себя фашисту.

Нагнетание слухов, приписывание различным «нестандартным» явлениям фашистских черт — явление, предполагающее по крайней мере две составляющих.

1. **Идеологическая составляющая.** С точки зрения официальной советской идеологии явления, не вписывающиеся в контекст советского образа жизни, расценивались как однозначно негативные. В этот разряд попадали «чуждые» явления западной жизни, неформальные молодежные объединения, рок-музыка и т. д. Чтобы подчеркнуть негативность этих явлений, им приписывались черты фашизма.

Так, по комсомольской линии распространялись «примерные перечни» зарубежных музыкальных групп и исполнителей, в репертуаре которых содержатся «идейно вредные произведения»: напротив имени каждого исполнителя находилась характеристика его творчества, включавшая одно-два коротких определения: «насилие», «религиозный мистицизм», «секс», «эротизм» и т. п. Ярлыком «неофашизм» были помечены (сохраним написание как в документе) «Кисс», «Ай Си Ди Си», «Спаркс Спаркс», «Чингиз Хан», «Тен Си Си (10сс)» и даже Хулио Иглесиас [Примерный перечень 1985].

Влияние на общественное сознание оказывала идеологизированная публицистика тех лет:

«Помню, примерно осенью 1982 года в «Комсомольской правде» была большая,

на целую полосу, статья про панков. Иллюстрацией к ней была фотография задней части головы, на которой выбрита свастика. Эта статья обошла весь класс, живо обсуждалась на перемене» [У. Д.].

«Думаю, восприятие западного как фашистского во многом было спущено сверху. Например, была публикация в прессе, где о панках говорилось, как о фашистах. Была также статья, где рассказывалось о западноевропейских фашистах, которые поймали девушку и вырезали на ее руках свастику» [Г. А.].

2. **Стихийная составляющая, связанная с «народными» фобиями.** Те же самые «чуждые советскому человеку» явления наделялись фашистскими чертами и обрастали слухами, но происходило это стихийно и было обусловлено крайне отрицательным отношением к фашизму со стороны советских людей.

Как эти два слоя взаимодействовали? Несомненно, «идеологический» слой влиял на «стихийный» — идеология вырабатывалась «сверху» и пропагандировалась через СМИ, литературу, социальные сети (партийные, комсомольские и др.).

Однако нам удалось отследить один случай, когда распространение слуха о неофашистах произошло «снизу вверх» — моральная паника в обществе повлияла на деятельность органов идеологического контроля — в данном случае, идеологического контроля телевидения.

В 1979 г. вышел в свет альбом группы «Чингиз-хан» (Dschinghis Khan), в состав которого входила песня «Москоу». Эта песня стала очень популярна и даже была приобретена центральным телевидением для показа в новогодней передаче [Шерман]³.

Однако в народе возникло устойчивое мнение, что песня «Москоу» — антисоветского содержания. Каждый (и это подтверждают данные нашего опроса) советский пионер знал это и мог процитировать переводы из «Москоу»:

Мóсква, Мóсква,
забросаем бомбами,
Будет вам Олимпиада,
А-ха-ха-ха-ха-ха.

³ Со ссылкой на высказывание телеведущего В. Молчанова в одной из передач.

Или:
 Москва, Москва,
 забрасаем бомбами,
 На развалинах Кремля
 будем танцевать.

Эти два варианта были наиболее известными. Также существовал «перевод» с отсылкой к фашизму:

Чингис-хан не взял Москву,
 Гитлер наш не взял Москву,
 Ну а мы возьмем.

«За “Чингиз-хан” закрывали дискотеки. Говорят, были случаи конфискации записей “Чингиз-хана” сотрудниками милиции. “Чингиз-хан” стал фольклором. <...> Причем каждый владелец записи был осведомлен о намерениях группы в отношении Москоу-Москоу, а также ходило поверие о том, что в припеве последней песни (которая называется “Предатель” по-настоящему) звучит “хайгитлер!” Так чуткое русское ухоотреагировало на немецкое слово. <...> “Прямо Геббельс какой-то,” — сказала моя бабушка тогда. <...> Мне кажется, “Чингиз-хан” был чьим-то тщательным расщитанным экспериментом или посланием даже» [Шерман].

Антисоветские «цитаты» из «Чингиз-хана» являются чистой воды фольклором, в действительности ничего этого в тексте песни нет, напротив, он вполне доброжелателен по отношению к Москве и Советскому Союзу. Однако вспышка слухов привела к тому, что закупленный клип на телевидении так и не был показан, советские телезрители увидели его уже в годы перестройки.

Как мы уже говорили в начале статьи, восприятие неофашистов в советском обществе строится по принципу демонизации «иных».

Общим местом для практически всех мифологий является дихотомическое разделение на «своих» и «чужих, иных»; по такому же принципу разделяется и мифологизированное пространство — в нем выделяется «свое» (обжитое пространство) и «иномирье» (пространство за пределами обжитого). Согласно логике формирования мифологических представлений, «иные» и «иномирье» наделяются чертами, противоположными им чертам «своих».

В инфернальном варианте «иные» — это представители «того света», загроб-

ного мира, царства мертвых. В славянском фольклоре «тот свет» прямо противопоставлен земному миру. Этот далекий нездешний мир изображается как вечно темный, застывший, недвижимый, холодный, беззвучный, невидимый, мокрый, грязный, безрадостный и обездоленный. <...>. Отрицание всех основных параметров, характеризующих жизненное пространство человека, — ведущий художественный прием описания загробного мира. В заговорных текстах тот свет сопоставляется с местом, где петух не поет, овцы не блеют, собаки не лают, птицы не поют, солнце не светит, ветер не веет, дожди не идут и т. п. «Обратность» того света по сравнению с этим светом может быть отмечена и в поверьях, по которым умершие питаются якобы анти-пищей (падалью, навозом), а богатые дары, присланные из иного мира, оборачиваются на земле гнилушками и золой» [Виноградова 1995, 373—374]. Оказавшись в мире живых, представитель «того света» выдает себя необычным внешним видом, голосом, поведением, запахом и т. д. Также живой человек, проникая в иномирье, выделяется отличием от тамошних обитателей [Пропп 1986, 52—111].

Частным случаем представлений об «иных» являются представления об инородцах (представителях других национальностей). Их образы строятся по принципу инверсии так же, как образы нечистой силы и умерших. Инородцам приписывается отсутствие человеческого языка и души, следование несправедливой вере, колдовство, связь с нечистой силой, склонность к святотатствам, «нечеловеческое» поведение и внешний вид и т. п. [Белова 1999, 414—418].

Рассмотрим, как принцип инверсии проявляется в фольклорном описании советских неофашистов (с учетом «прикнувших» к ним в рамках мифа молодых неформалов):

— неофашисты следуют чуждой советским людям идеологии, в борьбе с которой советский народ и народы мира понесли колоссальные потери;

— неофашисты агрессивны и опасны; агрессию они могут сочетать с кощунством (нападениями на ветеранов войны, выступлениями 9 мая);

— неофашисты склонны не говорить, а кричать;

— неофашисты любят тяжелую рок-музыку с ее повышенной громкостью, немелодичностью, крикливостью и неразборчивыми словами;

— неофашисты — дети высокопоставленных родителей;

— неофашисты носят необычную, вызывающую одежду (предпочитают черные тона) и делают необычные прически.

В «неофашистскую» мифологию втягиваются группы, воспринимающиеся как инверсивные по отношению к советскому обществу, а именно — члены неформальных объединений молодежи.

Инаковость неофашистов стоит рассматривать в контексте поддерживаемого советской идеологией мифа об инаковости западного мира в целом. «Загнивающий» Запад, в отличие от «процветающего» Советского Союза, является местом, где «поднимают голову» неофашисты. Особенно близким к архаичному описанию иномирья, как нам кажется, является процитированное выше высказывание одного из информантов: *«Там обычное дело, когда кто-то фашист. Это как у нас коммунист»*. Жители Запада, с точки зрения этого советского ребенка, маркированы клеймом «фашистов» уже в силу того, что они живут в «иномирье», в отличие от живущих «у нас» коммунистов.

В качестве примера рассмотрим, как инверсия человеческих качеств проявляется в детской страшилке про «видюков». Убийство человека является преступлением — «видюки» делают это публично. Неприлично обнажаться прилюдно — «видюки» выступают голыми. Неприлично заниматься сексом прилюдно (а для советских детей, пересказывавших эти страшилки, секс вообще был запредельным понятием) — «видюки» делают это на сцене. Женщины не бреются наголо — женщина «видюк» лысая. «Видюки» исполняют запретную рок-музыку. И даже поведение зрителей на мифических концертах «видюков» инверсивно по отношению к нормальному человеческому поведению — вместо того, чтобы в ужасе разбежаться, они (вернее, те из них, кто еще жив) продолжают «тащиться» от концерта. Неудивительно, что «видюки» от при всем прочем — еще и неофашисты.

Слова «фашизм», «фашист» в России являются не только обозначениями конкретных политических сил, но и ярлыками с крайне негативной окраской, инвективами, ругательствами. Так было во времена СССР, так, при всем расширении ультраправого дискурса в России, остается и сейчас. Показателем этого, как нам кажется, является произвольное использование слова «фашизм» в современных политических дискуссиях — его используют, когда хотят уязвить и центристские, и левые, и национал-большевистские движения.

Примечательно, что в толковых словарях значение слова трансформировалось. Так, в словаре начала 1980-х гг. дается развернутое определение фашизма с указанием большого количества конкретных черт:

«Фашизм. Политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общественного кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных кругов империалистической буржуазии, а также открыто террористическая диктатура наиболее реакционных сил монополистического капитала, для которых характерны воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, подавление всех демократических свобод, подготовка и развязывание захватнических войн» [Словарь 1984, 201].

В словаре 2001 г., отражающем языковые изменения конца XX в., это слово описано уже в более общих терминах:

«Фашизм. Идеология и политика шовинизма и расизма, направленные на уничтожение демократии и установление авторитарных, репрессивных режимов» [Толковый словарь 2001, 809].

Как нам кажется, упрощение определения обусловлено приближением к «народному» восприятию слова и понятия «фашизм» как инвективы, крайне негативной оценки.

Подводя итоги сказанному в статье, отметим, что ненависть советского народа к фашизму и привела к появлению в первой половине 1980-х гг. рассматриваемого нами фольклорного образования, построенного в соответствии с логикой традиционной мифологии — восприятие неофашистов в советском обществе строится по принципу демонизации «иных».

Список информантов⁴

- А. Е. — А. Евгений, 1967 г. р., Московская обл., г. Люберцы.
 А. М. — Ахметова Мария, Москва.
 Б. М. — Бастер Михаил, 1966 г. р., Москва (misha-buster), зап. 12.03.2008.
 Г. А. — Г. Алла, 1968 г. р., Санкт-Петербург.
 Д. В. — Д. Варвара, Москва.
 Е. А. — Ермаков Александр Сергеевич, Тульская обл., г. Новомосковск; Москва (zhivoi).
 М. В. — муж., 1966 г. р.
 Р. А. — Р. Александр, Москва.
 С. Т. — С. Татьяна, 1965 г. р., Новосибирская обл.
 У. Д. — У. Дмитрий, 1967 г. р., Москва.
 Ш. С. — Шмидт Сергей Федорович, Иркутск (langobard).
 atua — 1974 г. р., Киев.
 floppyriter — муж., Украина.
 marfabaturina — жен., СПб.
 medvedyev — муж., 1974 г. р.
 orientalist — муж., 1973 г. р., Свердловск.
 paulkogy — Paul Kogy, муж., 1974 г. р., Москва.

Литература

- Агапкина, Левкиевская 1995 — *Агапкина Т. А., Левкиевская Е. Е.* Голос // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 512.
 Белановский 1988 — *Белановский С.* Субкультура люберов // <http://sbelan.ru/node/47796>
 Белова 1999 — *Белова О. В.* Инородец // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 414—418.
 Бояринцев 2001 — *Бояринцев В.* Мы — хиппи. М., 2001. Цит. по: <http://www.bazilevs.narod.ru>
 Вести 1982 — Вести из СССР. 1982. № 11. (15.06.) С. 8.
 Виноградова 1995 — *Виноградова Л. Н.* Тот свет // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 373—374.

⁴ Часть сообщений получена с помощью интервью. Часть — путем чтения сообщений и опроса в Живом журнале; в таком случае указывается ник ЖЖ-юзера. Объем личных данных информанта определялся согласно мнению самого информанта. Место жительства указано на момент восприятия слухов (некоторые информанты сменили место жительства).

Автор особо благодарит А. С. Ермакова и С. Ф. Шмидта за помощь в работе.

Виталис 2003 — [Виталис В. и др.] Любера: как это было... // Хулиган. 2003. № 6 (15). Цит по: www.xuligan.ru

Витицкий 2003 — *Витицкий С.* Бессильные мира сего. СПб., 2003.

Громов 2004 — *Громов Д. В.* Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 20—42.

Крылья 2006 — Форум спортивного клуба «Крылья Советов». <http://eng.kc-samara.ru/cgi-bin/gbp.cgi?301347> (Зап. 30.03.2006).

Майер 1995 — *Майер В. А.* Чешежопица. Очерки тюремных нравов. М., 1995.

Примерный перечень 1985 — Примерный перечень зарубежных музыкальных групп и исполнителей, в репертуаре которых содержатся идейно вредные произведения. Приложение к письму от 10 января 1985 г. Николаевского областного комитета ЛКСМ Украины.

Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Словарь 1984 — Словарь русского языка [Малый академический словарь] / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984.

Stogoff 2008 — *Stogoff И.* Skinheads: История одной банды. СПб., 2008.

Странные 2001 — Странные игры. Смотри в оба! [Статья из панк-фэнзина Positive#4 (весна 2001 г.)] // <http://www.punk.ru/old/articles/scene/ska2506.shtml>

Толковый словарь 2001 — Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Складневской. М., 2001.

Чарный 2004 — *Чарный С. А.* Нацистские группы в СССР в 1950—1980-е годы // Неприкосновенный запас. 2004. № 5 (37). С. 71—78.

Черников 2007 — *Черников В.* Свобода пришла в цепях // Коммуна. [Воронеж]. 16 января 2007 года.

Шерман — Шерман А. Забросаем бомбами // <http://imperium.lenin.ru/EOWN/eown6/khan-sherman.html>

Щепанская 1993 — *Щепанская Т. Б.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986—1989 гг. СПб., 1993.

Summary. *Moral panics, connected with imaginary performances of young neo-fascists, took place repeatedly in Soviet Union in 1980th years. Stories about neo-fascists can be considered as the folklore texts. These texts constructed according to logic of traditional mythology: neo-fascists perceived as demonic «strangers».*

Key words: *youth, youth subcultures, moral panic, neo-fascists.*